

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.15372/HSS20170415
УДК 94(47)82-343.5

Н. ЗАЙЦ

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАКСИМА ГРЕКА В РОССИИ*

Институт культурной истории Научно-исследовательского центра
Словенской Академии наук и искусств
г. Любляна (Словения)

На основе анализа Судного списка преп. Максима Грека, сочинений церковного публициста и разнообразных рукописных источников выстраивается история перевода «Жития Богородицы» Симеона Метафраста, вошедшего в ряд обвинений афонскому монаху. Поставлены акценты на некоторые аспекты переводческой деятельности афонского монаха в России, приобретшей идеологическое звучание. Описана практика культурного влияния через труды средневекового публициста византийской гимнографии на христианское сознание русского общества, рассмотрены способы соединения в богословскую систему канонических текстов и сведений из христианского историко-литературного наследия (агиографических, иконографических, документальных).

Ключевые слова: Судный список, Максим Грек, Симеон Метафраст, Максим Исповедник, византийская гимнография.

N. ZAJC

ON THE QUESTION OF TRANSLATION ACTIVITIES OF MAXIMUS THE GREEK IN RUSSIA

Institut of Cultural History, Scientific Research Center,
Slovenian Academy of Sciences and Arts
Ljubljana (Slovenia)

This paper presents the circumstances of the second trial against St. Maximus the Greek in 1531. The author focuses on the accusation of supposed heretical mistakes in his translation of the text “the Hagiography of the Mother of God” from *Menologion* of Symeon Metaphrastos. On the basis of the manuscript it is proposed that Maximus used a rare method of translation for the time, but an examination of the text also raises questions about the earlier hagiographic sources from the Eastern and Western early Christian traditions, such as the patristic and liturgical interpretations of the hagiographic material. Of particular interest here is the tradition of the Byzantine hymnography reflected in the works of St. Maximus the Greek, mainly in those that are defined as prayers, confessions and theological polemics that showed his attachment to the protection of the Mother of God. Obviously, an Athonite monk understood the Mother of Good as a part of the orthodox Holy Trinity, which he explained in his texts. He often supported his arguments for the holiness of the Mother of God with exegetic examples from the Holy Scripture. Indeed, the verses from the Byzantine hymnographical odes, dedicated to the Virgin Mary, which flourished in the Holy Vatopedi monastery, as well as in the Athonite period of the monk Maximus, present

*Работа выполнена при поддержке проекта P6-0094 APPC Республики Словении.

Нежа Зайц – д-р ист. наук, научный сотрудник, Институт культурной истории Научно-исследовательского центра Словенской Академии наук и искусств, г. Любляна (Словения), e-mail: nzajc@zrc-sazu.si.

Neža Zajc – Ph.D., Research Fellow, Institute of Cultural History, Scientific Research Center, Slovenian Academy of Sciences and Arts, Ljubljana (Slovenia).

the essence of the works and personal theology of Maximus the Greek. Therefore, this unique monastic worldview, which combined very different sources of Christian knowledge (the Holy Scripture, hymnography, liturgy, patristic, iconography, and hagiography), was also marked by the special consideration of the Mother of God in Orthodox theology, which together make the theological system of Saint Maximus the Greek so original.

Key words: Minutes of the Trial Court, Maximus the Greek, Symeon Metaphrastos, Byzantine hymnography.

Одним из эпизодов суда 1531 г. над Максимом Греком было обвинение в «хульных строках», обнаруженных в его переводе «Жития Пречистой Божьей Матери» Симеона Метафраста. Речь шла о смешении союзов «аки» и «яко» в рассказе о зачатии Богородицы: «аки семени мужака никако же причастишася» вместо «яко семени...»; «аки праведный глаголет» вместо «яко праведен глаголет» и фразе «совокупление же до обручения бе», исправленной Михаилом Медоварцевым на «совещание же до обручения бе». Максим Грек ошибки не признал (считал их описками): «То, господине, ересь жидовская, и аз того не переводил и не писал, и писати не веливал, то на меня ложь, яз так не глаголю, ни мудрствую, ни пишу. Аще ли буду такову хулу мудрствовал или писал, да буду проклят» [1, с. 128]. Преп. Максим Грек в своих сочинениях, написанных после суда, выступал против ереси жидовствующих, которая была одной из распространенных на Руси в конце XV–начале XVI в. Н. В. Синицына отметила, что в сборнике, переписанном Михаилом Медоварцевым – РНБ. Соф. собр. № 1498. Сборник житий Симеона Метафраста. Л. 119–160 (далее Соф. 1498), – сохранились неисправленные чтения (л. 120 об., 122 об., 123 об.) [1, с. 181; 2, с. 314–317].

На осторожность в трактовке целомудренной природы Матери Божьей и нераздельности с ее Сыном Максим Грек указывает в самом начале «Слова о Рождестве Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, в том же и на иудея»: «Се и вертепъ, и ясли, и новороженъ младенець в нихъ, въскло-ненъ Материю Своєю неискусомужною» [3, с. 66]. В Нижегородско-парижском собрании (по классификации Н.В. Синицыной) – Paris. Man. Slav. 123, которое отражает архетип прижизненных кодексов Максима Грека – Иоасафовского и Хлудовского [3, с. 34–40], это сочинение следует непосредственно за «Молитвой к Пречистой Богородице». Безусловно, Максим Грек осознавал возможности неправильного толкования «Жития Богородицы» Метафраста, о чем свидетельствуют многочисленная правка текста и маргиналии в рукописном сборнике житий Симеона Метафраста Соф. 1498. Следует обратить внимание еще на некоторые обстоятельства этого переводного текста, насыщенного библейскими цитатами и представляющего собой пример компиляции, характерной для письменной традиции византийского переходного века (IX в.).

С. А. Белокуров полагал, что оригинал «Жития Богородицы» Симеона Метафраста не сохранился [4, с. 317–318], хотя эта рукопись была позднее издана в 1917 г. В. Латышевым [5, с. 345–383]. Однако в последние годы в науке стало известно, что текст Симеона Метафраста в значительной мере опирался на предыдущие агиографические византийские источники. Поэтому оригинал, который переводил Максим Грек, скорее всего относился к дометафрастовской традиции [6, с. 307–328].

«Житие Богородицы» открывается своеобразным зачином, в котором утверждается пречистая природа Божьей

Матери: «Подобаше воистинну Девици, якоже само Бог къ человеком прити хотяща. Достоино нѣкое и благочестно обрѣтесе жилище, тако ныне о ком в по... [рукопись повреждена на полях] ление винѣ нам предлагащеи» (Соф. 1498, л. 119). Это положение основано на авторитете трех восточнохристианских богословов: Григория Нисского, Афанасия Александрийского и Дионисия Ареопагита. Далее приведены слова из песни на Рождество Григория Нисского: «Убо божественый Григорие въ словѣ еже на Христово рожество, ему съчинися, таковая о Неи повѣствует. Слышахъ, глаголя сокровенныа нистория, такова предлагающиа яже о Неи повѣдания» (Соф. 1498, л. 119 об.), которые воспроизводят точно такую же трактовку из «Жизни пресвятой Девы Марии» Максима Исповедника [7, с. 21; 8, с. 38], на основе которой «Житие Богородицы» Симеона Метафраста и было составлено. Но этот труд Максима Исповедника до наших дней сохранился только в рукописи грузинского переводчика Евфимия Святогорского из афонского Иверского монастыря.

Возможно, Максим Грек был знаком с содержанием сочинения Максима Исповедника, причем в греческом оригинале, который, по всей вероятности, находился в афонских библиотеках, в том числе в хранильнице Вагопедского монастыря. Важно отметить, что в текст перевода Максима Грека «Жития Богородицы» Симеона Метафраста включены также упоминания о менее известных византийских богословах, например, о Ювенале Иерусалимском (проявился в борьбе с ересью Нестория [9, с. 338]), и это позволяет полагать, что он использовал свое знание византийской гимнографии по памяти.

Обратим внимание и на то, что перевод Максима Грека отражает два вида переводных техник библейского и священных текстов. Вероятно, он соединял два грамматических наследия в одно: восточное – Аполония Диоскула – и западное – Донатуса и Прискиана, отдавая при этом предпочтение византийской письменной традиции. Повторение однокоренных слов ему было необходимо, чтобы выразить взаимное воздействие словесных форм и агиографического содержания текста (повторы выделены курсивом): «вездѣ бо божественых евагелии мати она по неизреченном роженни пресвѣтлѣ же и истиннѣ именуется <...> и отнудь недомыслено обрѣсти инако ту именуему» (Соф. 1498, л. 142 об.); «тѣмже ниже множаишаа чюдеса *воскресения* случися тѣмъ видѣти, она же неоттрѣже ныне близъ *гробу* присѣдащи, зряще вся явѣ <...> вся яко имяше извѣстнѣ *виде*, еже ниже мало якоже рѣхомъ отступити от *гроба*, дондеже и живоносное *виде воскресение* <...> *види* же ся убо прѣвѣи датися и благовещения и *воскресения*, и яко мощно *зрителници* Еи быти Сыновня свѣтлости» (Соф. 1498, л. 143). Поэтому он выбрал такую переводную технику, которая позволяла, не уделяя главного внимания роли синтаксиса (что было тогда актуально на Западе) [10, с. 32], с помощью особого чередования предложения отразить морфологическую способность выражать отдельно повторяемые грамматические единицы в тех

словах, на которые ставился акцент в богословско-литургическом понимании текста.

Важная литургическая роль отводится и тексту «Жизни деви Марии» Максима Исповедника, в котором утверждалось глубокое сочувствие Божьей Матери своему Сыну. Богословскую точку зрения преп. Максима Грека можно объяснить его личным духовным опытом, через который он осознал необходимость присутствия еще одного лица в православном исповедании, а именно Матери Божьей, благодаря посредничеству которой сущность вечной жизни в Христе, понимаемая как Церковь Христова, являлась ядром богословской трактовки Ветхого Завета («Высокой Песни Песен») Григория Нисского, а также Амброзия Медиоланского, во многом считавшегося зачинателем богослужебных песен Богородице на западе.

Такие сочинения Максима Грека, как «Молитва ко Пречистой Богородицы, в той же отчасти винословие о страсти Спасове» [3, с. 59–62], «Словеса акы от лица Пресвятыя Богородицы к лихоимцом и скверным и всякия злобы исполненным» [3, с. 317–318], перевод «Молитвы Марии Египетской» (РГБ. Ф. 256. Рум. собр., № 264, л. 66 об.–67 об.), построены по устойчивой модели покаянной и благодарственной молитвы. В нее входят: непосредственно обращение к Божьей Матери; личное покаяние, вызванное осознанием своей греховности и человеческой немощи; свидетельство необходимости присутствия Святого Духа, которым также утверждается святость Божьей Матери; напоминание о небесной радости и свете, известном из библейской притчи о виноградаре (Мф 20, 1–16). На этих примерах можно видеть связь почитания Богородицы Максимом Греком и литургического восприятия текста Священного Писания.

Последовательно Максим Грек не только в своих молитвах, но и в текстах конфессионального характера, а также в сочинениях, посвященных ключевым богословским вопросам, в том числе полемическим, направленным, например, против еретических учений Ария, Нестория и Евтихия, защищал святость Матери Божьей. Так, в «Слове отвещательном о исправлении книг русских» читаем: «...посрами Ариа, сице паки сеи стих богомръзскую хулу Несториеву низлагает, еюже единого ипостасию Богочеловѣка Христа въ двою лицу раздѣляше, иного глаголя рожденнаго Еммануила отъ Приснодѣвы Марии и Иного съшедшаго съ небесе Бога Слова, еяже ради вины ниже Богородицу хотяше глаголати нечестивыи едину Приснодѣву и всенепорочную Бога Слова Матерь, но Христородительницу» [3, с. 138].

Речь идет о том, что Максим Грек в первую очередь противостоял временному словесному закреплению Сына Божьего на земле, что отразилось в его сочинении «Слово отвещательно о исправлении книг русских, в нем же и на глаголющих, яко плоть Господня по въскресении их мрътвых не описана бысть» [3, 136–145]. Поэтому он и настаивал на словоупотреблении «Сына Его собезначального», что лежало в основе ранней (Григорий Нисский, Григорий Богослов) и позднейшей патристической полемики (Максим Исповедник). Более того, его почитание Богородицы отразилось во многих его текстах, составленных из библейских или святоотеческих цитат, а также выписок из сочинений византийской гимнографии: «по божественному слову глаголющу: «И преклони небеса и сниде» ... снитие Его еже на земли

и еже въ Пречистѣи утробѣ Богоматере безсемѣнное зачатие Его» [3, с. 291].

Преподобный Максим Грек большинство своих текстов заканчивал благодарственным обращением к Иисусу Христу и Пресвятой Богородице: «Праведень еси, и прави суди Твои, по божественному и покланяемому слову, яко наказания ради и обращения нашего, ниже самѣх Твоих святых и покланяемых щадишь храмовъ и образовъ Твоих и Пречистыя Ти Матере» [3, с. 239]; «обою о тебѣ, Богородице, смотрѣние бысть, рекше божественною силою преложишися и побѣдишися естественнии устами» [3, с. 283]; «от них же да избавит нас Господь, молитвами Пречистыя Владычици наша Богородици и приснодѣвы Марии» [3, с. 295]. Признание Максимом Греком неразделимости Божьей Матери и Ее Сына можно объяснить раннехристианской установкой, ставшей снова актуальной в эпоху европейского Возрождения прежде всего из-за нарастающих еретических и прочих ложных учений. Но только преп. Максиму Греку в отношении его почитания Божьей Матери было свойственно свидетельство о заступничестве Богородицы, это было обусловлено охранением монастырей Святой Горы Афон Богоматерью с древнейших времен.

Максим Грек воспринимал Богоматерь как неотделимую от исповедания православной веры, без которой достоверное православное вероисповедание всех трех лиц Святой Троицы вообще не могло бы осуществиться. В своем программном сочинении «Исповедание православной веры» он ясно высказался о необходимости включения в догмат Святой Троицы также Богоматери: «Такожде вѣрую и исповѣдую ражаемаго безначалнѣ и присносущнѣ Сына и Бога Слова от безначалнаго Бога и Отца, благоволениемъ Отчимъ и осѣнениемъ Святаго Духа зачята бывша въ пречистыхъ ложеснахъ Пресвятыя и Приснодевы Марии Божия матери» [3, с. 52]. Последнее оказалось существенным для мироощущения Максима в Московской Руси, а молитвенное обращение к Богородице («Еи, молю Тя, пречистая Мати Вышняго, моеи души едино утѣшение, упование, сладосте») можно считать своего рода отражением действительного Богообщения преп. Максима Грека, его личной духовной практики, отвечающей молитвенной монашеской традиции Афона.

Несомненно, Максим Грек был знаком с церковнославянским литургическим языком. А богословское положение, основанное на принципе неразделимости Сына Божьего и Матери Его, отражено в «Житии Богородицы» Симеона Метафраста, что было свойственно прежде всего акафистному поэтическому искусству [11, с. 56]. В «Каноне молебномъ Святому Духу Параклиту» (РГБ. Ф. 274. Рогож. № 302, л. 432–440) почитание Богородицы в каждой песне занимает у Максима Грека последнее место (после молитв Христу, Святой Троице и Святому Духу) – в виде своеобразной тихо воспеваемой концовки (как молитва мытаря (Лк 18: 13), родственной так называемой Иисусовой молитве. Такого рода введение отдельных строк в честь Богородицы между девятью гимнами известно в триодном византийском богослужении, в канонах Андрея Критского уже в VII в. [12, с. 20], а также в церковнославянском «Каноне святого и великаго мученика Христова Дмитрия» Кирилла Философа в IX в. [13, с. 306].

Максим Грек во многом традицию почитания Матери Божьей черпал у авторов византийской гимнографии, например, из песен Козьмы Иерусалимского и канонов Иосифа Гимнографа [14, с. 443]. Склонность Максима Грека к обоснованию почитания Богородицы стихами гимнографической поэзии можно считать характерной чертой его толкования Священного Предания о Богородице. Свое православное богословие Святогорец основал на своем личном и особом богословском восприятии языка Библии [15, с. 375–382]. Сугубо христологическая установка словесного содержания – важный признак его учения. Об этом афонский инок заявлял во время суда над ним в Москве: Священное Писание содержит главные сведения о «предвечности и бесконечности» Иисуса Христа [1, с. 125].

В «Слове на хульники Пречистой Божия Матери» он прямо указал на причину неправильного толкования всех знамений духовных сил из-за недостаточного знания Священного Писания, к которым он относил и распространение ереси, и хулу Богородицы: «Оле, последние их грубости и неискуства боговдохновенных Писаний!» [16, с. 173].

Максим Грек уже в начале своего пребывания на Руси сделал перевод Песни Божьей Матери (Лк 1, 46–55)¹ в Толковой Псалтири. Поместив ее в конце литургической Псалтыри за четыре года до своей кончины, в 1552 г., он выразил мысль о единственном способе оправдания человеческой избранности как следствия Божьего человеколюбия. Хотя за последние годы его перевод литургической Псалтыри хорошо изучен [17, с. 40–54], исследователи не обратили внимание на литургические песни. Поэтому важно отметить, что сохранение в памяти «ангельской песни» представлено именно в «Житии Богородицы» Метафраста, в котором неоднократно звучит пророческое известие: «Радуйся, благодатная, рече, Господь с тобою. От спротивления прьвому к жене гласу, ныне бывает к девице слово» (Соф. 1498, л. 120 об.–121). В переводе Максима Грека показано, как агиографическая традиция в христианском наследии использовала христологическое толкование псалмов.

Неприкосновенность природы Богородицы Максим Грек, исходя прежде всего из ветхозаветной аргументации (псалмов и притч, из книги Чисел, книги Бытия Даниила и Девтерономии), доказывал и в «Слове на хульники Пречистой Божия Матери» [16, с. 172–181]. В этом он превзошел трактовку Николая Кабасиласа – своего любимого толкователя божественной литургии, который утверждал каноническое толкование безупречной природы Божьей Матери, включая не только пророческие предсказания из псалмов, но и чудесное видение Исаии в пустыни и явление Лестницы Иакова.

Все вышесказанное свидетельствует о позиции преп. Максима Грека, доказывавшего, что Мать Божья несет ответственность не только за воплощение, но и за вечное пребывание Спаса Христа, так как Сама прежде всего пребывает в сущности деятельного почитания: «Госпожа всѣх стоит одесную всѣх Царя, и Сына, и Творца Ея»

[16, с. 173]. Максим Грек закончил свое сочинение призывом к радикальному отказу от злобы: «Отступите от такового яже на пречистую Божию Мать досады и хулы лютыя» – и пожеланием заступничества Богородицы: «и Та приблизится вам и соблюдет вас» [16, с. 179]. Также в молитвенном обращении он старался выразить вечное присутствие Божьей Матери: «Царь царствующих и Господь господствующих, съ Отцемъ и Всесвятымъ Духом, и съ всенепорочною Владычицею нашею Богородицею и Приснодѣвою Мариною, неискусомужною материю Своею, яже выну предстательствуетъ и поборае по нас и молится единокорному Сыну Своему и Творцу всѣх, измоляючи выну Его нам» [3, с. 242–243].

Таким образом, для богословского учения преп. Максима Грека о Божьей Матери характерно уникальное соединение разных канонических источников Священного Писания, библейских, гимнографическо-богослужебных и святоотеческих текстов, информации из иконографических и агиографических сочинений христианского наследия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Судные списки Максима Грека и Исака Собака / подг. Н.Н. Покровского. М., 1971. 186 с.
2. *Синицына Н.В.* Книжный мастер Михаил Медоварцев // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972. С. 286–317.
3. *Преподобный Максим Грек.* Сочинения. М., 2014. Т. 2. С. 66. 430 с.
4. *Белокуров С.А.* О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1899. 336 с. Приложения I–CCCXI.
5. *Menologii anonymi Byzantini saeculi X quae supersunt: fasciculus duos sumptibus Caesariae Academiae Scientiarum e Codice Mosquensi 376.* Vlad. Latysev, Vasilij V. Petropoli, MCCXI. Leipzig, 1970. 428 p.
6. *Shoemaker S. J.* The Georgian Life of the Virgin attributed to Maximus the Confessor: Its Authenticity and Importance // *Scrinium*. 2006. P. 307–328.
7. *Shoemaker S. J.* Introduction. B: Maximus the Confessor, The Life of the Virgin. Yale, London; New Heaven, 2012. P. 1–35.
8. *Maximus the Confessor. The Life of the Virgin.* / S. J. Shoemaker. Yale; London; New Heaven, 2012. 215 p.
9. *Успенский Ф. И.* История византийской империи. М., 2016. Т. 1. 494 с.
10. *Robins R. H.* The Byzantine Grammarians. Berlin; New York, 1993. 278 p.
11. *Wellesz E.* “The Akathistos”. A Study in Byzantine Hymnography // *Dumbarton Oaks Paper* 1955. P. 143–174.
12. *Tillyard H. J. W.* Byzantine Music and Hymnography. Oxford, 1923. 72 p.
13. *Jakobson R.* Selected Writings. Berlin, 1986. Bd. 1. 401 S.
14. *Wellesz E.* A History of Byzantine Music and Hymnography. 2nd ed. Oxford, 1998. 341 p.
15. *Zaje N.* Some Notes on the Life and Works of Maxim the Greek (Michael Trivolis, ca 1470 – Maksim Grek, 1555/1556) Part 2: Maxim the Greek’s Slavic Idiolect // *Scrinium*. 2016. N 12. P. 375–382.
16. *Журова Л.И.* Авторский текст Максима Грека: рукописная и литературная традиции. Новосибирск, 2011. Ч. 2. 491 с.
17. *Вернер И. Н.* К истории перевода Псалтири Максимом Греком в 1522–1552 годах: хронология, текстология, методология // *Славяноведение*. 2017. № 2. С. 40–54.

REFERENCES

1. The Minutes of the Trial Courts on Maksim Grek and Isak Sobaka. Prep. by N.N. Pokrovsky. Moscow, 1971, 186 p.

¹Она отсутствует в православном почитании, но наличествует в западном христианстве не только как праздник, но и как воспеваемая (в том числе и музыкальная песня), и называется она Магификат.

2. *SinitSYna N.V.* Master Scribe Mikhail Medovartsev. *Drevne-russkoye iskusstvo. Rukopisnaya kniga*. Moscow, 1972, pp. 286–317.
3. Venerable Maximus the Greek. Writings. Moscow, 2014, vol. 2, 430 p.
4. *Belokurov S.A.* On the Library of the Grand Princes of Moscow in the XVI Century. Moscow, 1899, 336 p. Appendices I – CCCXI.
5. Menologii anonymi Byzantini saeculi X quae supersunt: fasciculos duos sumptibus Caesareae Academiae Scientiarum e Codice Mosquensi 376. Vlad. Latysev, Vasilij V. Petropoli, MCCXI. Leipzig, 1970, 428 p.
6. *Shoemaker S. J.* The Georgian Life of the Virgin attributed to Maximus the Confessor: Its Authenticity and Importance. *Scrinium*. 2006, pp. 307–328.
7. *Shoemaker S. J.* Introduction. B: Maximus the Confessor, The Life of the Virgin. Yale; London; New Heaven, 2012, pp. 1–35.
8. Maximus the Confessor. The Life of the Virgin. / *Shoemaker S. J.* Yale, London; New Heaven, 2012, 215 p.
9. *Uspenskiy F.I.* The History of Byzantine Empire. Moscow, 2016, vol.1, 494 p.
10. *Robins R. H.* The Byzantine Grammarians. Berlin; New York, 1993, 278 p.
11. *Wellesz E.* ‘‘The Akathistos’’. A Study in Byzantine Hymnography. *Dumbarton Oaks Paper*. 1955, p. 143–174.
12. *Tillyard H. J. W.* Byzantine Music and Hymnography. Oxford, 1923. 72 p.
13. *Jakobson R.* Selected Writings. Berlin, 1986, vol. 1, 401 p.
14. *Wellesz E.* A History of Byzantine Music and Hymnography. Oxford, 1998. 341 p.
15. *Zaic N.* Some Notes on the Life and Works of Maxim the Greek (Michael Trivolis, ca 1470 – Maksim Grek, 1555/1556) Part 2: Maxim the Greek’s Slavic Idiolect. *Scrinium*. 2016, no. 12, pp. 375–382.
16. *Zhurova L.I.* Author’s text of Maximus the Greek: literary and the manuscript traditions. Novosibirsk, 2011, part 2, 491 p.
17. *Verner I.N.* On the History of Translation of the Book of Psalms by Maximus the Greek in 1522–1552: chronology, textology, methodology. *Slavyanovedeniye*. 2017, no. 2, pp. 40–54.

Статья принята
редакцией 26.10.2017